

Александр
Игнатенко

КАК
ЖИТЬ И
ВЛАДСТВОВАТЬ

Древние наставления
арабским правителям

Александр Александрович Игнатенко

Как жить и властвовать

Серия «Сокровенная мудрость»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70269082

Как жить и властвовать / Александр Игнатенко: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-197922-5

Аннотация

Книга выдающегося арабиста и исламоведа Александра Игнатенко «Как жить и властвовать» открывает читателю жанр средневековых восточных «поучений владыкам». Эти трактаты часто существовали в единственном экземпляре, предназначались для одного читателя – правителя страны и хранились в государственных сокровищницах, «наравне с жемчугами и золотом». Это были своего рода сокровенные инструкции о том, как завоевывать друзей, вести дела, одолевая врагов, достичь успеха, стать счастливым и прожить жизнь со смыслом. В отличие от современных книг подобного рода – они выверены многовековым опытом и уже привели к успеху многие поколения.

Это достойный подарок и настольная книга для любого амбициозного и целеустремленного человека.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Введение	7
Книга, обошедшаяся в девять центнеров золота	7
Трактаты для одного читателя, ставшие средневековыми бестселлерами	11
Как избавиться от печалей	17
Аргументы и факты	21
СКМ – свободно конвертируемая мудрость	34
Беречься	36
Мир – обитель опасностей	36
Беречься. Опасаться излишней опасливости. Рисковать	36
Нескончаемый злосчастный век	42
«Не люди, а злюди»	51
«Враги, коими врагов посрамляешь»	57
Враг твой в сердце твоём	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Александр Игнатенко

Как жить и властвовать

© Игнатенко А.А., наследники, текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Александр Александрович Игнатенко (1947–2021) – выдающийся советский и российский исламовед, специалист

но истории средневековой и современной арабской мусульманской философско-политической мысли. Открыл современному миру жанр средневековых арабо-мусульманских «поучений владыкам».

Доктор философских наук, профессор.

Автор книг, среди которых: «Ибн-Хальдун». «Халифы без халифата», «Ислам на пороге XXI века» (в соавторстве), «В поисках счастья», «Зеркало ислама», «Ислам и политика», «Зенит исламской мысли».

Сооснователь и первый президент (2004–2021) Института религии и политики (ИРП) в Москве.

Введение

Книга, обошедшаяся в девять центнеров золота

Главе одного государства стало известно, что руководитель соседней державы располагает бесценной информацией, способной повлиять на судьбы двух стран и народов. Для добычи сведений он направляет в столицу другой страны опытного шпиона, хорошо владеющего языком тамошних жителей и знающего их обычаи. Его снабжают громадными финансовыми средствами. Шпион отправляется за границу, где, выдавая себя за путешественника-исследователя, внедряется в круг влиятельных людей. Он рассчитывает, что они могли бы способствовать выполнению возложенного на него задания. Среди них он вербует агента – руководителя финансовой службы. Благодаря этому высокопоставленному чиновнику он получает доступ к искомым сведениям. С риском для собственной жизни местный агент доставляет требуемые источники информации, которые иностранец в спешке и при большом нервном напряжении копирует и переводит в течение нескольких дней. Тем временем через связника ему передаётся приказ возвращаться на родину.

Иностранный шпион, хотя и имеет возможность заполучить новые сведения, вынужден прервать свою миссию в чужой столице. По возвращении глава государства награждает его за отличное выполнение задания.

Именно эти события происходили примерно полторы тысячи лет назад. Знаменитый персидский царь Ануширван (531–579)¹ прознал, что в Индии есть некая книга, настолько высоко ценимая тамошним царём, что она находится в сокровищнице, охраняется пуще зеницы ока и никому не выдаётся, кроме самого властелина. Считалась та книга «основой всех знаний и началом всех наук, путеводителем к благу, ключом к слову и делу, коими достигается счастье в жизни будущей, и средством спасения от её ужасов, уроком для царей и руководством к управлению державой» [1]².

Задание во что бы то ни стало добыть эту книгу было поручено придворному лекарю Бурзое, который знал как пехлевийский, на котором тогда говорили персы, так и хинди. В его распоряжение была предоставлена баснословная сумма – «двадцать мешков денег, и в каждом мешке было десять тысяч динаров». Простейший перерасчёт показывает, что речь идёт о девятистах килограммах золота. «Прибыв в Индию, Бурзое посещал и площадь у ворот царского дворца,

¹ Здесь и далее в скобках при именах властителей указываются годы их правления, т. е. жизни политической, а не биологического существования.

² Отсылки к источникам помещены в конце книги. Читателю на них можно не обращать внимания.

и рынки, где собирается простонародье. Он расспрашивал о приближённых царя и прочих вельможах, о философах и учёных, обращался к именитым мужам со словами приветия и посещал их дома, всюду говоря, что он чужестранец, прибывший в Индию, чтобы научиться всевозможным наукам и искусствам, нуждающийся в покровительстве, помощи и руководстве». Так он познакомился с неким человеком, который по счастливой случайности оказался царским казначеем. Между Бурзое и Адое (так звали казначея) возникла симпатия, и индиец согласился помочь персу. Тайком он вынес из сокровищницы эту книгу, а Бурзое стал денно и нощно работать над её переводом и комментариями. Он готов был скопировать и другие книги, но от Ануширвана поступило послание с приказом возвращаться. Он доставил книгу ко двору персидского царя. Когда Ануширван предложил лекарю Бурзое выбрать для себя любую награду, какую он захочет, тот попросил, чтобы книга была предварена историей его деяний и рассказом о том, как он добыл это сочинение в стране индийцев. «Если царь выполнит мою просьбу, – сказал он, – то вознесёт меня и весь мой род на вершину чести, о нас на веки веков останется добрая слава и обо мне будут помнить всюду, где прочтут эту книгу». Так и произошло.

Пора сказать, что же это была за книга. Её название – «Калила и Димна». Представляет она собой собрание притч о людях и разумных животных, а также афоризмов, назидательных изречений, пословиц и поговорок. Рассказанная вы-

ше история не поддаётся точной проверке, но она соответствует действительности в основных чертах. Царь Ануширван – историческое лицо. И была в Индии книга – сокровищница житейской и политической мудрости под названием «Панчатантра». Трудно сказать, действительно ли посланец Ануширвана истратил, чтобы её добыть, примерно тонну золота. Но то, что это сообщение никогда не подвергалось сомнению в средневековых источниках, свидетельствует по меньшей мере о той высочайшей оценке, которую имела эта книга у всех, кто её знал.

Пехлевийский текст книги, тот, который составил лекарь Бурзое, не сохранился. «Калила и Димна» приобрела мировую известность в переложении на арабский язык, осуществлённом Ибн-аль-Мукаффой (VIII век). Пожалуй, мало осталось языков, на которые бы не переводилась эта книга.

Существовал и старинный русский перевод под названием «Стефанит и Ихниллат» – такие имена получили два шакала, главные герои книги. Есть и хороший современный перевод на русский язык. Если не читали, обязательно это сделайте!

Трактаты для одного читателя, ставшие средневековыми бестселлерами

«Калила и Димна» является родоначальницей арабских «княжьих зеркал» – книг, предназначавшихся для правителей и содержащих правила житейской мудрости и политического искусства³. Трудно переоценить значимость произве-

³ Через всё Средневековье проходят эти книги, названия которых воскрешают в памяти атмосферу «Тысячи и одной ночи»: VIII век – «Завет Ардашира», «Трактат о приближённых» Ибн-аль-Мукаффы, его же «Большая книга жизненных правил» и «Малая книга жизненных правил», приписываемая ему «Редкостная драгоценность для султана», а также переложённая им на арабский язык «Калила и Димна»; IX век – «Тигр и Лис» Сахля Ибн-Харуна, «Книга политики, или Устройство предводительства» псевдо-Аристотеля, известная также под названием «Тайна тайн», «Греческие заветы» Ибн-ад-Дая, «Книга короны, или Нравы владык», приписываемая Джахизу, введённые в основном в этот период многочисленные апокрифы – «Послания Аристотеля Александру Македонскому» и «Платониады» (собрания афоризмов, приписываемых Платону), «Завет Тахира Ибн-аль-Хусайна своему сыну Абдаллаху Ибн-Тахиру»; X век – «Книга о поземельном налоге и искусстве секретарства» Кудама Ибн-Джаафара; XI век – «Книга о политике» аль-Вазира аль-Магриби, «Книга указания, или Правила эмирской власти» аль-Муради, «Подарок визирям» ас-Саалиби, «Облегчение рассмотрения и ускорение триумфа» аль-Маварди, его же «Законы визирской власти» и «Правила дольней жизни и религии», приписываемое аль-Маварди «Поучение владыкам», приписываемый Праведному халифу Али Ибн-Аби-Талибу (VII век) «Завет аль-Аштару, наместнику в земле Египетской» (в XI веке была сделана окончательная редакция памятника); XII век – «Чистого золота поучение владыкам» аль-Газали, «Светильник владык» ат-Тартуши, «Проторён-

дений этого жанра для средневековой арабо-исламской культуры. Такие имена, как Ибн-аль-Мукаффа, Джахиз, аль-Газали, аль-Маварди, Ибн-аль-Хатиб, Ибн-Арабшах – цвет литературы, поэзии, философии, права, истории. О том месте, которое отводилось некоторым произведениям этого жанра в воспитании высшего сословия, свидетельствует факт, приведённый средневековым автором аль-Мубаррадом в его «Книге Добродетельного». Знаменитый аббасидский халиф аль-Мамун (813–833) приказал воспитателю своего сына Васика, чтобы тот учил будущего наследника престола трём книгам – Корану, «Завету Ардашира», «Калиле и Димне» [2], подняв тем самым два «зеркала» до уровня Священного Писания мусульман. «Книга политики» псевдо-Аристотеля, притом что аутентичная «Политика» этого великого философа осталась средневековым арабам неизвестна, была

ный путь в политике владык» Абд-ар-Рахмана Ибн-Насра, анонимный трактат «Лев и Шакал»; XIII век – «Путь владыки в устройении владений» Ибн Аби-р-Раби, «О том, как древние управляли державами» аль-Хасана аль-Аббаси, «Драгоценность века, или Напоминание султану» Ибн-аль-Джавзи, его же «Сокровище владык, или О том, как себя вести», «Драгоценное ожерелье для счастливого владыки» Абу-Салима Мухаммада Ибн-Тальхи, «Афоризмы мудрецов в наставление халифам и владикам» неизвестного автора, «Бесценная драгоценность, или Политика предводителя» Ибн-аль-Хаддада; XIV век – «Аль-Фахри» Ибн-ат-Тиктаки, «Книга указания, или Правила визирьской власти» Ибн-аль-Хатиба, его же «Беседа о политике во время отдыха каравана», «Жемчужина на пути, или Политика владык» Абу-Хамму, «Светозарные метеоры, или Приносящая пользу политика» Ибн-Ридвана, «Канон политики и правило предводительства» неизвестного автора; XV век – «Чудеса на пути, или Природа владычества» Ибн-аль-Азрака, «Приятный плод для халифов» Ибн-Арабшаха.

едва ли не самой популярной книгой всего арабо-исламского Средневековья и оставалась таковой и в Европе (в переводах с арабского) вплоть до конца XIV века.

Каждое произведение было посвящено конкретному правителю: «Трактат о приближённых» Ибн-аль-Мукаффы был адресован аббасидскому халифу аль-Мансуру (754–775), «Завет» Тахира Ибн-аль-Хусайна – Абдаллаху Ибн-Тахиру, третьему из династии Тахиридов, правившему в Хорасане (828–844), «Поучение владыкам» аль-Газали – сельджукскому султану Мухаммаду, сыну Малик-шаха (1104–1117), «Светильник владык» ат-Тартуши – фатимидскому визирю аль-Мамуну. Известный литератор ас-Саалиби посвятил одному из хорезмшахов – Мамунидов Гурганджа Абу-ль-Аббасу Мамуну II (1009–1017) «зерцало» – «Владыческую книгу». Его министру Абу-Абдаллаху аль-Хамдуни была адресована им книга – «зерцало» «Подарок визирям». «Жемчужина на пути» Абу-Хамму адресовалась абдельвадидскому султану Абу-Ташфину II (1389–1393). Книга «Аль-Фахри» и названа даже по имени того, кому её посвятил Ибн-ат-Тиктаки, – мосульского правителя Фахр-ад-Дина. «Проторённый путь в политике владык» Ибн-Насра предназначался для знаменитого Саладина (Салах-ад-Дина, 1168–1193), победителя крестоносцев, а «Афоризмы мудрецов в назидание халифам и владыкам» – его потомку аль-Малику ан-Насиру II (1237–1260), правившему в Сирии.

Нередко книги эти существовали первоначально в един-

ственном экземпляре, хранились в халифских или султанских сокровищницах. Например, анонимная книга «Канон политики и правило предводительства», адресованная музаффаридскому правителю Южного Ирана Джаляль-ад-Дину Шах-Шудже (1364–1384), тщательно охранялась и имела специально скрытый под краской знак – личную печать правителя, которая становилась видна, если краску смыть. (Исследователи обнаружили оттиск печати в инфракрасном излучении.) Призыв аль-Муради хранить его «Книгу указания» так, как хранят золото-серебро, можно было бы рассматривать как поэтический оборот [3]. Но Ибн-аль-Хаддад, автор «Бесценной драгоценности, или Политики предводителя» сообщает в предисловии как о чём-то совершенно естественном, что он после завершения своего сочинения обязательно сдаст его в государственную сокровищницу, где она и будет храниться «наравне с жемчугами и золотом» [4].

Можно вообразить, какое наказание ожидало бы того, кто посмел покуситься на «зерцало», адресованное конкретному властелину и хранящееся в его сокровищнице. Это сейчас некоторые из приведённых выше имён, если не все, мало что говорят. Но их носители обладали реальной и очень большой властью в своих государствах: сначала в могущественном Арабском халифате, потом в самостоятельных государствах, на которые распался халифат, – княжествах-эмиратах. О том влиянии, которым обладал, например, фатимидский визирь аль-Мамун (не путать с аббасидским халифом аль-

Мамуном), может косвенно свидетельствовать то официальное имя, которое он носил, и я не могу удержаться, чтобы его здесь не привести. Его звали Наивеликолепнейший, Надёжный, Корона Халифата, Гордость Всего Живого, Основа Религии, Драгоценность Повелителя Правоверных.

Но ценнейшее содержание этих книг заставляло смельчаков преодолевать преграды и завладевать этими сочинениями. Некоторые из «зерцал» расходились во многих экземплярах, переписываясь от руки. Но ещё больше оставалось в сокровищницах, и только в последние годы эти книги стали публиковаться. А некоторые остаются неопубликованными до сих пор – не в сокровищницах, а в библиотеках Парижа, Лондона, Ватикана, других городов, куда они перекочевали в результате купли-продажи или как-то еще. Эти источники, включая и часть неопубликованных, использованы для написания книги, которую Читатель держит в руках.

Почему же эти трактаты так охранялись и пользовались такой популярностью? Да именно потому, что они содержали ценнейшие советы о том, как жить и властвовать, были своего рода инструкциями о том, как достичь успеха, стать счастливым, прожить жизнь со смыслом.

Не сегодня появились сочинения о том, как оказывать влияние на людей и завоевывать друзей, как вести дела и одолевать врагов. «Князьби зерцала» составляли часть широко распространённой в средневековом арабо-исламском мире жизненаучительной литературы – так называемого *адаба*.

Адаб означает «правила», и эти правила могли касаться всего того, что и составляет содержание человеческой жизни – от любви до войны, от правописания до властвования. Их отличие от современных книг подобного рода – выверенность многовековым опытом. Вот образец адабного наставления.

Это – трактат первого арабо-исламского философа Юсуфа Ибн-Исхака аль-Кинди (IX век) «Как уберечься от печалей». Отмечу кстати, что высокий интеллектуальный ранг автора свидетельствует: к составлению жизненаучительных трактатов обращались мощнейшие личности, которым было что сказать о жизни.

Как избавиться от печалей

Советам предпослано введение, из которого следует, что приятные и неприятные вещи являются таковыми не по своей природе, а в силу нашей привычки, возникающей от частого повторения действий или состояний. Разбойник считает приятной разбойную жизнь, хотя она сопряжена с множеством опасностей. Человеку испорченному кажется приятным то, что отвергают другие. Азартный игрок, попусту тратя время, готов проиграть всё своё состояние. А кто-то превыше всего ставит чувственное наслаждение.

Если любое отношение к вещам есть результат привычки, то можно приучить себя к вещам достохвальным. Начинать нужно с простого и подыматься постепенно ко всё более сложному и трудному в исполнении. Водителем человека в этом деле должен быть разум.

Что касается конкретных рекомендаций, то они следующие. Во-первых, всякая печаль не возникает без того, чтобы не быть следствием чьего-то действия – либо нашего, либо чужого. Если это действие зависит от нас, то мы ничего не должны делать такого, что могло бы нас опечалить. Ведь хотеть сделать то, что тебя опечалит, – это значит хотеть того, чего не хочешь, а так может вести себя только безумный. Что касается чужих действий, приносящих печали, то мы либо в состоянии уберечься от них, либо нет. В первом случае

мы должны сделать всё, чтобы помешать тем людям, которые желают нам зла. Если же мы ничего не можем сделать, то прежде всего мы не должны печалиться заранее: ведь что-то и без нашего противодействия может помешать осуществлению действия, которое может нас огорчить. Огорчаться заранее бессмысленно, так как в этом случае причиной нашего огорчения стали бы мы сами. Если уж чьё-то действие, ввергающее нас в печаль, совершилось, то тогда нужно прибегнуть к приёмам, которые сделают печаль наименее продолжительной. Для этого, во-вторых, – и это следующий совет – необходимо вспомнить те огорчения, которые были у нас когда-то и после которых мы утешились, а также печали и огорчения других. Окажется, что все они в конечном счёте предаются забвению.

В-третьих, нужно помнить о том, что у всех есть потери и утраты и нет человека, которого бы вовсе обошла беда. А ведь все люди радуются и веселятся. Так происходит потому, что печаль есть состояние человека, а не что-то постоянно присущее его природе. Горюет человек, у которого украли какую-то вещь. Но не печалится тот, у кого этой вещи вообще не было.

В-четвёртых, человек, который хочет прожить жизнь без бед, уподобляется тому, кто вовсе не хотел бы жить. Ведь беды и невзгоды неотделимы от жизни. Жить с ними или не жить вовсе – так стоит вопрос. Третьего не дано. Желать же это «третье» – значит умножать страдания, так как это же-

ление неосуществимо и, следовательно, неразумно.

В-пятых, мы не должны упускать из виду, что на вещи, попавшие нам в руки, все люди имеют право в той же степени, что и мы. И если у кого-то есть нечто большее, чем то, чем владеем мы, то с этим нужно примириться, не отравляя себя завистью. Только нам и никому более принадлежит неделимое богатство нашей души.

В-шестых, наша доля в «совместном прибытке» – в той части всеобщего богатства, которой мы владеем, – дана нам в долг Великим Заимодавцем – «Творцом прибытка». И он может в любой момент изъять эту долю и передать её другому. Если бы не происходило вечного движения, перераспределения богатства, этого «совместного прибытка» между людьми, то и нам ничего бы не досталось. И если, упуская что-то из рук, приходится возвращать свою долю во всеобщее и постоянно перераспределяющееся богатство, то не стоит печалиться и грустить. Да и то сказать: возвращаем мы мелочи, а сохраняем великий дар – душу.

В-седьмых, если уж печалиться, то печаль должна быть абсолютной – полной и вечной. Но мы уже установили, что печалиться не стоит вообще. Здесь противоречие, которое должно разрешаться в пользу второго требования. Для того же, чтобы вообще не знать печалей, нужно ничего не иметь, не стремиться к прибытку. Все поистине необходимое будет человеку дано: даже кит не остаётся без пропитания, а ему вон сколько нужно... Человек же стремится к обладанию

многими ненужными вещами, которые ему только в тягость и мешают жить.

В-восьмых, мы должны разобраться в истинном значении вещей и всего происходящего и ненавидеть действительно дурное, а не ненавидеть таковым не являющееся. Уж, казалось бы, что может быть хуже смерти. Но она неотъемлема от жизни человека – разумного и смертного живого существа. И если представить, что он может выбирать между тем, чтобы быть, каков он есть, и не быть вообще, то выбрать нужно более предпочтительное – быть, существовать. К тому же в смерти есть и то положительное, что, умерев, человек покидает юдоль скорби и попадает в интеллигибельный мир, где нет ни бед, ни страданий.

В-девятых, утрачивая что-то, мы должны вспоминать о том вещественном и духовном богатстве, которое у нас ещё остаётся. Это послужит утешением в беде.

Наконец, в-десятых, всякая утрата – благо, так как она уменьшает количество ждущих нас потерь, утрат и огорчений [5].

«Зерцала» концентрировались на тех советах, которые могли понадобиться либо человеку, который стремится обрести власть, либо правителю, который ею уже обладал, но мог нуждаться в её сохранении и правильном использовании. Попутно рассматривались многие вопросы *адаба*.

Аргументы и факты

Способы доведения до читателя идей, содержащихся в «зерцалах», могут показаться нам непривычными. Поэтому необходим краткий обзор их внутренней логики, обоснования истинности многочисленных правил и рекомендаций, придания им убедительности. «Князь зеркала» редко упоминали серьёзные научные трактаты. Сочинители-жизне-научители прекрасно понимали проблему формы, которая способна передать определённое содержание. Во введении к «Правилам дольней жизни и религии» аль-Маварди пишет, что «сердца находят отдохновение в разнообразии искусств, но скукой наполняются от повторения одного и того же» [6]. Этим он объясняет использование в «зерцалах» «точности законоведов и тонкости литераторов, притч мудрецов-философов и назиданий красноустов, речений стихотворцев».

В предисловии к «Приятному плоду для халифов» Ибн-Арабшах сетует, что люди не прислушиваются к тем назиданиям, с которыми обращаются к ним мудрецы, если их не заинтересует форма проповеди. Поэтому мудрецы (на то они и мудрецы!) стали вкладывать свои слова в «уста диких зверей, обитающих на горах и в лесах, неприручённых животных и скотов, разных птиц, морских китов и других водных обитателей». Тут-то, по мысли Ибн-Арабшаха, и срабатывает механизм привлечения читателя. Ведь животным не

присущи ни мудрость, ни воспитанность, ни догадливость, ни проницательность, ни речь. А если они проявляют все эти свойства, то читающий человек удивляется и, задерживаясь на словах бессловесных тварей, воспринимает поучение. Иной и задумается: если уж звери ведут себя таким достойным образом, то человеку тем более пристало так поступать [7].

И, конечно же, авторы «княжьих зеркал» были правы, когда считали, вслед за одним из средневековых арабских теоретиков стихосложения, что разум бывает очарован «одобряемыми странностями» и «великолепными диковинками, которые сочтут необычными». К подобного рода «странностям» вполне могут быть отнесены и сыплющие афоризмами животные и птицы из «Калилы и Димны», «Тигра и Лиса», «Льва и Шакала» – из всех тех произведений, которые превосхитили «Басни» Лафонтена. К возбуждающим интерес «странностям» и «диковинкам» я бы отнёс и парадоксальные афоризмы типа: «Незначительное значительно: огонь, болезнь, враждебность», т. е. любое количество перечисленных вещей опасно, ибо может умножиться и привести к печальному концу. Или ещё: «Люди более похожи на своё время, чем на своих отцов».

Важное место в «зеркалах» занимают притчи и во многом родственные им исторические и псевдоисторические анекдоты. Притча, как и играющий ту же роль вымышленный рассказ об исторической личности, чудесна тем, что, опери-

руя с виду обычными и случайными фактами, становится воплощением идеи, упорядочивающей мир или вскрывающей его сущность.

Авторы «княжьих зеркал» (или их читатели?), кажется, не могли обойтись без авторитетов. Прежде всего, это авторитеты, естественно, исламские: Коран (как считалось, зафиксированное Божье Слово), Сунна (корпус высказываний пророка Мухаммада и преданий о его действиях и поступках), высказывания и деяния сподвижников Пророка, среди которых особенно выделялись Праведные халифы (VII век), при которых, как полагают мусульмане, исполнялись заветы истинного ислама, а также толкования Корана.

Для многих авторов авторитетными представлялись (и очень часто не без оснований) и последующие правители Мира ислама. Некоторые из них так или иначе знакомы читателю. Это Харун (Гарун) ар-Рашид (вспомним «Тысячу и одну ночь»!), аль-Мамун (ему посвятил специальный раздел своих «Арабесок» Николай Васильевич Гоголь). Иные знакомы меньше, а то и вовсе известны только специалистам. Пусть это не обескураживает читателя. Наша цель состоит не в том, чтобы дать исторический обзор политической системы арабо-исламского Средневековья. Необходимые минимальные разъяснения я буду давать по ходу изложения. А если кто-то заинтересуется какой-то деталью, выходящей за рамки нашей темы – правила житейской мудрости и политического искусства, он может обратиться к справочникам,

многочисленным трудам по истории ислама и арабов. Исламоведение и арабистика развиты у нас в стране очень хорошо – на мировом уровне, а часто и выше. С появлением интернета массу фактологического материала можно найти там.

Авторитеты, к которым обращались авторы «зерцал», никоим образом не исчерпываются приведённым выше списком. Их очень привлекало персидское наследие. И если «Завет Ардашира» трудно признать произведением Сасанидского царя Ардашира I (227–241), то показательны исключительная популярность этого сочинения на протяжении всего Средневековья, тот пиетет, с которым авторы «зерцал» относились к этому «неверному» персу, наконец, обилие наверняка апокрифических высказываний, ему приписывавшихся. В несколько меньшей степени это относится ко всем Сасанидам – притом, что с Ардаширом I как авторитетом конкурировал в «зерцалах» Хосров I Ануширван (531–579), бывший в произведениях данного жанра воплощением справедливости. Персидские мотивы в «зерцалах» выражали реальные заимствования из политического опыта Древнего Ирана.

По степени авторитетности в произведениях жанра с предыдущими двумя группами соперничали корифеи древнегреческого и эллинистического наследия. Гомер и Платон, Сократ и Аристотель, Солон и Фемистий – эти и многие, многие другие подобные имена присутствуют в качестве непререкаемых авторитетов в произведениях жанра «зер-

цал».

Важную роль в становлении жанра «зерцал» сыграло иудео-христианское наследие. Оно представлено на страницах этих трактатов «Израилиадами» (*Аль-Исраилийят*) – так назывались назидательные повествования, притчи, философские сентенции, морализаторские поучения, которые связывались с именами еврейско-арабского праотца Ибрахи́ма (Авраама) и проповедника истинного единобожия Мусы (Моисея), знаменитого своим умом Суляймана (Соломона) и его доблестного родителя Давуда (Давида), а также Иисуса и его товарищей-апостолов. «Израилиады» демонстрируют несомненную зависимость от Аггады – иудейского собрания изустно передававшихся легенд, размышлений, иносказательных толкований текста Библии (мидрашей). Христианские сюжеты, часто неортодоксальные и неканонические, также составили часть «Израилиад», а затем оставили свой след в «княжьих зерцалах».

И иудеи, и христиане жили на Аравийском полуострове во время возникновения ислама, как, впрочем, и после – на территории всего Мира ислама. Хорошо были известны рассказы из их Священных книг, предания, которые часто теряли свой чисто религиозный смысл, приобретали аравийский колорит, наполнялись местными реалиями, становились общеизвестными историко-эпическими сюжетами или жизненнаучительными наставлениями. Немалая их часть и вошла, таким образом, в «зерцала».

Несомненны индийские истоки многих идей, встречающихся в «зерцалах». Достаточно напомнить здесь, что «Калила и Димна» – переложение «Панчатантры». «Индийским мудрецам» приписывались афористические высказывания, об «индийских царях» рассказывались занимательные и поучительные притчи.

Сосуществование на одной странице цитаты из Корана, исторического или (значительно чаще) псевдоисторического предания о каком-нибудь персидском царе, например Сасаниде Шапуре II, афоризма, приписываемого, скажем, Платону, – особая примета «зерцал», отличающая их, пожалуй, от любого другого жанра средневековой словесности (положим, теологических или законоведческих сочинений). Но это – о жанре в целом. Существовали же произведения, которые вполне обходились без авторитета Корана и Сунны. Это, например, «Тайна тайн» псевдо-Аристотеля, «Греческие заветы» Ибн-ад-Дая, подавляющее большинство произведений Ибн-аль-Мукаффы, тяготевшего к персидскому наследию. Как были и такие, в которых к греческому или эллинистическому наследию авторы совершенно не обращались (например, «Сокровище владык» Ибн-аль-Джавзи). Иные темы (к примеру, бренность власти) не могли обойтись без «Израилиад» (вспомним автора библейской Книги Екклесиаста – «царя в Иерусалиме»).

Культурный контекст эпохи во многом определялся терпимостью, открытостью внешним влияниям. И выбор авто-

ритета не был заранее задан жёстко и однозначно. Любая идея могла обосновываться едва ли не любым авторитетом. Приведу два примера. Так, аль-Маварди авторитетом Пророка, приписав его Мухаммаду, подкрепил афоризм: «Создал Бог сей мир для меча и пера. И возвысил перо над мечом» [8]. Не менее влиятельный законовед аль-Газали автором афоризма, обосновывающего главенство в обществе науки и учёных, указал... Александра Македонского [9]. Ещё более показателен разброс авторитетов, которыми обосновывается истинность другого афоризма: «Следите за делами подданных, удовлетворяйте нужды свободных, оберегайтесь от недовольства злых. Ведь благородный восстаёт, когда голоден, а подлый – когда сыт». Среди авторов этого завета в разных «зерцалах» фигурируют Платон [10], Ардашир [11], Ануширван [12], Праведный халиф Али Ибн-Аби-Талиб [13], Ибн-аль-Мукаффа [14].

Но возможность обосновать всякое положение обращением к любому авторитету выводит проблему авторитета за круг реальных, сущностных обоснований истинности, правильности, обязательности той или иной идеи в «зерцалах».

Реальным авторитетом оказывается сама истинность того или иного положения – истинность, понимаемая как соответствие действительности, как разумность, как практическая полезность. Если подойти к проблеме с иной стороны, то придется констатировать, что авторитетами, реальными или вымышленными, нельзя было бы обосновать неистинное

положение. Ну, например, приписать великому полководцу Александру Македонскому рекомендацию вступать в бой в такой ситуации, чтобы солнце светило твоим воинам в глаза да ещё ветром несло пыль навстречу. Со ссылкой на него приводится совет противоположного содержания.

И всё-таки авторитет играл свою роль. Он либо устанавливал, либо подтверждал традицию – всё ту же истинность, но понимаемую на этот раз как проверенность длительным и успешным применением в политической практике. С другой стороны, парадоксальным образом обращение – с основанием и без оно – к авторитету, равно как и наделение даром речи (авторской) невинных и идеологически безответственных зверей, – всё это давало достаточно большой простор для того, чтобы вести напряжённый самостоятельный поиск в области практической политики, выступать с новыми или непривычными идеями. Я сам, быть может, не рискнул бы выступить с некоторыми мыслями, которые читатель встретит на страницах этой книги. Но ссылка на авторитетный источник облегчает дело...

Поэтому ошибётся тот, кто представит себе «зеркала» в виде унифицированных и повторяющихся формул. Стремление дать рекомендации в части безостановочно меняющихся жизненных обстоятельств и разных политических целей приводило к тому, что в этих трактатах постоянно ощущалось биение живой мысли – спорящей сама с собой из-за стремления выразить многоцветье мира, переливчатость его

красок. Нечасто встретишь на страницах «зерцал» унылую однозначность: мол, поступай всегда таким-то образом и никак не иначе. На одной странице – «Утро вечера мудренее», на другой – «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня». Эти и подобные максимы соотносятся – иногда в одном произведении, чаще в разных – не как взаимно противопоставленные и отрицающие одна другую, а как взаимодополняющие, комплементарные одна относительно другой. Диалогичность приводимых в «зерцалах» притч, историй, легенд, рассказов, целых повестей («Калила и Димна», «Тигр и Лис», «Лев и Шакал») – не что иное, как отражение внутренней противоречивости и неоднозначности мира. И признание читателем-учеником правильности той или иной идеи зависит от того, с кем мы себя идентифицируем – с сильным Львом или хитрым Шакалом, с услужливым придворным или с отважным военачальником. Да ещё не забыть, что наши ролевые установки меняются в этом беспрестанно обновляющемся мире. Поэтому альтернативность и взаимодополнительность рекомендаций, приводимых в «зерцалах», – великое благо для научающегося жить и властвовать. Настоячиво и неустанно мыслить, полагать себе достойные цели и, наконец, действовать, избрав подходящий образ действия, – этому в первую очередь учили и учат «княжьи зерцала».

Особо нужно выделить такие способы обоснования истинности, как использование формально-языковых средств.

Обращалось большое внимание на однокоренные или близкие по звучанию слова. И затем эти формально-языковые связи проецировались на окружающую действительность, организовывая и упорядочивая её, задавая определённое мирозерцание. Например, мало какой автор мог удержаться от того, чтобы не сообщить, что слово «визирь» (министр) происходит от слова *визр* (тяжесть, бремя). Следовательно – сколько таких «следовательно» встречается не там, где надо! – министр есть тот, кто призван нести на себе основное бремя властвования, сняв его с властелина. Если слово *сий-яса* обозначает не только «политика», но и, исходно, «уход за скотом», то, следовательно, политик есть пастырь. Ну а подданные – понятно кто.

Здесь же отмечу, что для «зерцал» было характерно широкое использование «речений стихотворцев». Создаётся впечатление, что заимствованные или сочинённые поэтические строки обладали для средневекового автора, вкрапляющего их в прозаический текст, самостоятельной и абсолютной доказательной ценностью. Почему? Авторитетность того или иного поэта играла здесь, конечно, свою роль. Но особая убедительность стиха заключалась, возможно, в том, что он своими ритмами и рифмами организовывал действительность, вычленял из неё какой-то аспект и в лапидарном, афористичном виде отдавал в распоряжение человека. Беспорядочному и неуравновешенному миру навязывалась устойчивость стиха (каждая строка в арабской поэзии состоит из

двух равновесных полустиший – бейтов). Тем же задачам служил и *сэджа* – рифмованная проза⁴.

Хочу обратить внимание русскоязычного читателя на то, что и мы с вами находимся под воздействием подобных вещей или даже сознательно ими пользуемся. Согласитесь, что «кормило» («Он стоит у кормила державы...») ассоциируется у нас не с рулём, а с тем, чем или из чего кормятся. Здесь мы устанавливаем ложную этимологию: «кормило – кормить, кормиться». На рифме держится утверждение о том, что в России две напасти: внизу – власть тьмы, вверху – тьма власти. А ведь это – неправда. В России напастей значительно больше, чем две.

Но нельзя не вспомнить и о том, что наряду с этими общими тенденциями мысли есть и несовпадения, различия. Приведу характерный пример. На страницах «зерцал» порой встречаешь такие родные, давно известные афоризмы,

⁴ Пример *сэджа* – сами названия «зерцал», которые утрачивают рифму в русском переводе, если этим специально не заниматься. Например, название трактата Ибн-Аби-р-Раби «Путь владыки в устроении владений» звучит по-арабски так: *Сулюк аль-ма́лик фи тадби́р аль-мама́лик*. Рифмы *сэджа* становились мирообразующими скрепами действительности, обнаруживали связь там, где её, быть может, не было, помогали обосновать положение, которое без использования *сэджа* повисало в воздухе. Возьмём распространённую в «зерцалах» идею о том, что человеческие нравы зависят от времени, в котором люди живут. Она дополнялась утверждением, что само время зависит от правителя, и, следовательно, он, воздействуя на время, способен изменить нравственность и, как мнилось средневековым моралистам, изменить всё общество к лучшему. Последнее утверждение никак не обосновывалось и держалось только на созвучии и рифме: *султа́н* (правитель, султан) – *зема́н* (время).

о которых и не подумаешь, что они не исконно русские. Например, «Лучше воробей в руке, чем журавль в небе» [15]. Но тут же и неожиданная рекомендация Праведного халифа Омара о том, каким подобает быть наместнику. «Наместник должен быть настолько жестоким, чтобы усекновение чьей-то главы по закону было для него подобно убийству воробья. Но он должен также обладать такими мягкостью, жалостливостью, милосердностью и сострадательностью, чтобы быть не в состоянии решиться даже на убийство воробья» [16].

Если ещё принять во внимание, что в арабском языке эта птичка не отягощена ложной этимологией («Вора бей»), то оказывается, что воробей для арабоязычного читателя находится совсем не в той ассоциативной цепи, что для русскоязычного. Для русского он ассоциируется с необходимостью держать своё при себе («Слово не воробей...»), а для араба он становится своеобразной единицей измерения справедливости. Это – только один пример, но за ним – несовпадение очертаний и внутреннего содержания семантических (смысловых) полей, разные структурные связи в двух языках – грамматика, синонимия, антонимия, стилистическая сочетаемость и т. д. А за всем этим – различающиеся образы мышления.

Существует гипотеза Сепира-Уорфа, гласящая, что разные языки не обладают полным соответствием один относительно другого и каждый из них специфическим образом формирует мировосприятие своих носителей. Это утвержде-

ние трудно доказать, поэтому оно существует в ранге гипотезы. Однако на уровне чисто интуитивном мы с ней соглашаемся. И для того, чтобы лучше понять ход мысли наших авторов-жизнenaучителей, мы в некоторых, редких и вынужденных случаях будем показывать формально-языковую сторону их рассуждений, давать транслитерацию отдельных арабских слов⁵. Может статься, что некоторые из них когда-нибудь продлят список заимствований из арабского языка, – тот список, в который уже входят и ракетка (от *ра́хат* – раскрытая ладонь), и чек (от *сакк* – расписка), и алгоритм (от имени математика *аль-Хварезми*), и Бетельгейзе (искаженное арабское название альфы Ориона – *Бейт аль-Джавза*), и Альтаир (альфа созвездия Орла – от арабского *Ат-Тайр*, вариант прочтения: *Аль-Тайр*, т. е. птица), и цифра (от *сифр* – ноль), и адмирал (от *ами́р аль-бахр*, морской командир)...

⁵ Нам уже пришлось сделать это со словом адаб.

СКМ – свободно конвертируемая мудрость

В одном из средневековых трактатов есть идея, которая приписывается Платону. Он привлекает внимание своих слушателей (дело происходило во время его проповеди) к тому, что в одних местах люди используют для расчётов между собой золото и серебро. В других ценится слоновая кость. В иных – медь или ракушки. Из этого следует, что все перечисленные вещи не являются ценными сами по себе, не обладают абсолютной и непререкаемой ценностью. Иное дело мудрость. Она желанна и драгоценна повсюду [17].

Даже если это сказал не Платон (кстати, об авторитете), мысль здравая. Несмотря на культурные, временные, языковые различия, люди совместно создают фонд, – хотел написать «золотой фонд», но потом передумал, перечитав предыдущий абзац, – итак, фонд представлений, идей, правил, норм человеческого общежития, который доступен каждому человеку.

Уверен, что вам были понятны и интересны приведённые выше советы – «Как избавиться от печалей». Смею надеяться, что с такой же пользой для себя вы прочтёте и всю книгу.

Особая ценность приводимых в этой книге советов, рекомендаций, предупреждений и запретов в том, что они, при относительной экзотичности формы и чуждости имён дей-

ствующих лиц, очень нам близки. Ведь мы вместе с Харуном ар-Рашидом, аль-Мамуном и массой других героев этой книги принадлежим к одному виду – *homo politicus*. А этот вид, вопреки Чарлзу Дарвину, мало изменяется, а то и вовсе остаётся неизменным.

Книга построена в виде девяти разделов, в каждом из которых подробно и всесторонне рассматриваются правила, гарантирующие житейский и политический успех, —

беречься;
определиться;
оснаститься;
осведомляться;
советоваться;
совершенствоваться;
миротворствовать-враждовать;
хитрить;
уточнить свои жизненные цели
(жить и властвовать? или просто жить?).

Соответствующие разделы можно читать в любой последовательности – как справочник, но лучше следовать заданной композиции.

Беречься

Мир – обитель опасностей

Беречься. Опасаться излишней опасливости. Рисковать

Первейшее условие успеха – самосохранение. Недаром охранники опережают правителя. Так и с любой деятельностью. Прежде чем совершить какое бы то ни было действие, нужно гарантировать собственную безопасность. А безопасность – это и сохранение жизни, и поддержание нормального функционирования сложнейшего инструмента – человеческого тела, и обеспечение свободы поступать тем или иным образом без навязанных соперниками ограничений. Ведь мёртвый не способен действовать вообще, ограничен в совершении поступков калека, не может осуществлять свои цели тот, кто лишён свободы. И о душе не забыть. Грош цена тому успеху, из-за которого нужно предать себя, растратить бесценный дар, подвергнуть опасности собственную самость – уникальную духовную неповторимость.

Поэтому, пожалуй, императив «Беречься» достоин того,

чтобы именно им заняться в первую очередь. В своих «Законах визирьской власти» аль-Маварди предупреждает: «Кто действует неосмотрительно и неопасливо и строит своё дело, не подведя под него фундамента осторожности, тот обречён на неустойчивость и поражение» [18]. Даже если человек верит во всемогущество Бога или в непреодолимость судьбы, нельзя отказываться от осторожности, предусмотрительности, обезопасивания себя. И доблестному человеку должны быть присущи опаска, осторожность, – считает тот же аль-Маварди [19]. У одного мудреца спросили: «В чём заключается предусмотрительность доблестного мужа?» «В том, – ответил он, – чтобы опасаться того, что может произойти». «А в чём немощь?» Он ответил: «В том, чтобы с доверчивостью встречать всё могущее произойти». В Коране есть прямая рекомендация опасаться, остерегаться, беречься: «О вы, которые уверовали! Соблюдайте осторожность...» (4:73)⁶. Приводится по этому случаю авторами «зерцал» и ещё один отрывок из Корана: «Не бросайте себя собственными руками на погибель!» (2:191) [20]. Но если хорошо вдуматься в проблему, то оказывается, что излишняя опасливость может привести к нежелательным последствиям – робости, пассивности и в конечном счёте к неуспеху и поражению. Логика здесь та же, что и в определении добродетели: не нужно пре-

⁶ При ссылках на Коран первая цифра обозначает номер суры (главы), следующие – номер аята (стиха). Цитаты из Корана даются в переводе И. Ю. Саблукова.

ступать меру [21]. «У осторожности – свой предел, у которой ей надлежит остановиться. Если преступить его, то она вырождается в беспомощность» [22].

«Есть и такая предосторожность – отказ от излишних предосторожностей»; этот афоризм достаточно популярен в «зерцалах» [23]. Поэтому настоятельно рекомендуемая «зерцалами» осторожность не должна превращаться в пугливость. И правило, которое по этому случаю предлагается, заключается в том, чтобы вести себя осторожно, но – смело и дерзко, когда предоставляется самомалейшая возможность [24].

Однако оценка наличия или отсутствия возможности для успешного действия – дело непростое. Здесь вполне возможна ошибка. Естествен поэтому риск – действие в условиях, которые оцениваются как в приемлемой степени благоприятствующие, притом что полного успеха они, эти условия, не гарантируют. Риск неотъемлем от деятельности. «Мир построен на риске». «Без риска не стало бы жизни в должном мире». Таковы утверждения, совершенно справедливые, анонимного автора «Льва и Шакала». Живя и действуя в «губительном мире», человек подвержен риску в большом и малом. Достаточно и элементарного примера, – рассуждает тот же сочинитель. Рассмотрим сделку между продавцом и покупателем, т. е. акт купли-продажи. Когда покупатель отдаёт деньги первым, он рискует не получить товар. Когда же первым отдаёт товар продавец, то есть риск, что ему не дадут

причитающиеся за купленную вещь деньги [25].

«Кто всего опасается – ничего не добивается», – утверждает в «Калиле и Димне». И ещё. «Человек, желающий добиться высоких степеней, должен заранее примириться с вероятностью одной из трёх вещей: несчастьем, что может случиться с ним, убытком в деньгах либо ущербом в чести» [26]. А рассчитывать на что-то большое и ничем не рисковать – заранее обречь себя на неудачу.

Проблема, конечно, сложна. Необходимо найти некую золотую середину между осторожностью и риском. Речь должна идти о разумном риске или, что то же самое, об умеренной осторожности.

Спор двух слонов о безоглядном риске и предусмотрительной осторожности

В образной форме проблема освещена в «Приятном плоде для халифов» Ибн-Арабшаха. Там в одном из эпизодов спорят два слона – визири слоновьего царя. Дискуссия завязалась вокруг вопроса – стоит ли начинать войну против Льва, а если стоит, то как – приняв меры предосторожности, подготовившись в разных отношениях или без всякой подготовки, рискуя собственным войском и подвергая тем самым опасностям свою державу. Одного из визирей зовут аль-Мудбир – Показывающий спину, Отворачивающийся, и это, данное автором своему герою прозвище, имеющее негатив-

ный смысл, сразу должно настораживать читателя в отношении и самого этого министра, и его советов.

Аль-Мудбир считает, что нечего тянуть с началом военных действий против Льва, который царствует над прекрасной, приглянувшейся слонам страной. Вроде бы убедительны его слова: «Существуют, – говорит он, – три вещи, ради которых нужно действовать без раздумий о последствиях. Первая вещь – морская торговля и добывание жемчуга со дна морского. Ни ныряльщика в пучину морскую, ни жаждущего занять достойное место в торговле – ни того ни другого не стесняет риск утонуть, который их объединяет. Один растрачивает свои деньги на закупку товаров, другой страдает от удушья, опускаясь к тинистому дну. Но ни тот ни другой не размышляют при этом о последствиях, о том, к чему это может привести. Вторая вещь относится к идущему на войну – к тому, чьё дело метать, колоть, бить, посрамлять вражеских богатырей, переносить всё то, что происходит в бою. Не тревожат его предупреждения, не размышляет он ни о поражении, ни о ранениях, ни о смерти. Третья вещь касается руководителя, политика, властелина. Он не раздумывает, идя на приступ, не медлит, когда нужно вступить в бой, не предаётся размышлениям о том, что впоследствии, не вертит головой в разные стороны, выискивая обходные пути. Он бросается навстречу опасности, наносит удар в самое сердце вражеской страны; своим высочайшим устремлением делает он достижение поставленных целей... Так что же? Царь ока-

зывается более робким, чем обычный купец?»

Другой визирь, которого зовут аль-Мукбиль, т. е. Повернувшийся лицом (кличка имеет положительный оттенок), призывает царя к более взвешенной позиции. Он отговаривает владыку от того, чтобы начинать военные действия, – ведь война несёт страдания людям. Но если царю слонов неймётся начать войну, то нельзя бросаться в её огонь очертя голову. Аль-Мукбиль нюансирует слишком уж прямолинейную трактовку действия как акта, независимого от обстоятельств и определяемого, в сущности, только целями, которые намечает властелин. Аль-Мукбиль обращает внимание на то, что умный и опытный торговец, даже подвергаясь риску, который в его делах конечно же неизбежен, соотносит прибыль с возможными потерями. Этот визирь прославляет людей умных, различающих между ошибкой и верным действием, тех, которые в начале дела зрят его последствия, тех, которые стремятся увидеть, чем дело кончится, до того, как всё, что произойдёт, уже состоялось, тех, которые «вступают в дома бедствий чрез двери», т. е. видят, что их ждёт и как этому противостоять. Зряшно рисковать не пристало царю: ведь он не знает страну, в которой собирается воевать, ему не известен размер вражеского войска, его военные приёмы, укрепления и многие другие вещи. Без знания всего этого, без подготовки своей армии, без принятия мер предосторожности начинать войну – значит идти на верную гибель [27].

Итак, будь осторожен и рискуй, будь предусмотрителен и отважен — всё зависит от ситуации, намеченных целей, соотношения между возможным проигрышем и предполагаемым выигрышем. Но всё-таки центр тяжести в рекомендациях «княжьих зеркал» смещён в сторону опасливости, осторожности, бдительности. В этом убеждает, кроме всего прочего, тот плотный перечень опасностей, которые подстерегают властелина и всякого другого человека в этом неуютном мире. Обращу внимание читателя на то, что авторы «зеркал» не ограничиваются предупреждениями типа «берегись того, бойся сего». Они показывают, как беречься.

Нескончаемый злосчастный век

Очень недоверчиво относились авторы «княжьих зеркал» ко времени — к тем условиям, в которых выпало жить как властелину, так и всякому человеку. Время неустойчиво, изменчиво, так и жди от него предательства. Оно «дарит, чтобы потом отнять». Оно буквально «завистливо», «ревниво» по отношению к человеку. Что принесёт, то поменяет и изменит. «Цвета времени меняются, оно становится грубым после мягкости, отымает то, что дало, разделяет то, что соединило». «То мир повернётся к тебе, то отвернётся, он не

пребывает в одном положении, но находится в изменении, не улучшит что-то, чтобы иное не испортить, не порадует одного, чтобы не огорчить при этом другого» [28].

Прекрасно описывается время в «Калиле и Димне». «Поистине, у людей словно бы отняли возможность творить добро, пропало то, что жаль было терять, и появилось то, что считалось зазорным приобрести; благо точно увяло, а зло расцвело, рассудок сбился с дороги; истина, потерпев поражение, обратилась в бегство, и её преследует по пятам торжествующая ложь; смеётся порок, и плачет добродетель; справедливость обессилела, и насилие берёт верх; благородство погребено во прахе, а низость воскресла; попрано великодушие и ликует скупость; слабеют узы любви и дружбы, и крепче становятся силки ненависти и злобы, унижают праведников и возвеличивают злодеев; пробуждается коварство, и заснула честность; обильно плодоносит ложь, и засыхает правда; униженно опустив голову, влачится справедливость, и горделиво шествует тиранство. Мудрецы будто нарочно совершают деяния, далёкие от мудрости, потворствуя своим страстям, подобно невеждам; обиженный кается в грехах, проявляя покорность и смирение, а обидчик буйствует, не зная преграды своим порокам. Отовсюду грозит нам широко раскрытый зев алчности, что поглощает всё близкое и далёкое, люди забыли то время, когда довольствовались своей долей. Удачливый злодей превознесен выше неба, и добрые люди из страха перед ним желали бы укрыться в земные

недра. Благородство швыряют с вершины горы на обочину дороги, и низость попирает его, опьянённая собственной силой. Ушла власть от людей достойных, и её подхватили разбойники и лиходеи. И мирская жизнь ликует, словно наглая блудница, говоря: «Ушли прочь добродетели, и встали на их место пороки!» [29].

Прошло четыре века, и вот ат-Тартуши в своем «Светильнике владык» сетует на время почти теми же словами. «Нынче ушло светлое время, осталось одно тёмное. Стало добро нерадивым, и за людьми присматривает зло. Глупец смеётся, а разумный плачет. Справедливость закатилась, и высоко взошла несправедность. Похоронен разум, а невежество воскресло. Возвысилась подлость, и стала пустым звуком честь. Ушло дружелюбие, и помолодела ненависть. Добродетельные лишились благородства, и стали злые люди его опекунами. Разглашается тайное, и уснула беспробудно верность. Ложь стала обильно плодоносить, а правда усохла. Злые люди вознеслись до небес, а люди добрые повергнуты в земные глубины» [30].

Прошло ещё три века, и вот уже Ибн-аль-Азрак в «Чудесах на пути» подхватывает эстафету. «Время так изменилось к худшему, что и не выскажешь словами. Было оно юным, а стало по-старчески неуклюжим. Сделалось оно злобным, а ведь было таким ласковым. Ссохлось его вымя, бывшее раньше обильным. На нём – усохшие ветви вместо зелени побегов. Превратилось оно, прежде такое упитанное, в худо-

сочное. Было сладким, стало отвратительным на вкус. Опечален пронизательный, и даже наивный уже ничему и никому не верит; только невежда провозглашает время своим союзником, и радуется ему только беспечный. От добра осталось только имя, от веры – только след. Вместо скромности – обман, вместо благочестия – беспочвенная горделивость. Вместо доблести – тщеславное хвастовство. Вместо исполнения религиозных наказов и запретов – надменность и злоба» [31].

Что-то здесь не так. Разные авторы пишут о том, что время изменилось к худшему, т. е. предполагается, что оно раньше было лучше. Когда? Ведь первый и последний из приведённых отрывков (а можно процитировать другие) разделяют семь столетий. Быть может, время всегда остаётся одним и тем же, и нечего говорить об ушедшем золотом веке? Наверное, и правда мир остаётся прежним, и время – всё то же. Попробуйте прочесть любой из трёх приведённых отрывков, оглядываясь при этом на наше время. Подходит описание?

Есть у меня ещё соображение на этот счёт. Время остаётся прежним, одним и тем же, в сущности, враждебным человеку. Но меняется человек. Молод он – и время светлое, яркое, сочное, сладкое. Или кажется таким, сиянное Надеждой. А дело к старости – и всё меняется: разочарования, недуги, пугающий конец жизни, что приближается неумолимо. Авторы «зеркал» – люди пожившие. Так, может, оттого и время в их

трактатах и тёмное, и неуклюжее, и злобное? Как знать...

Как бы то ни было, времени нужно опасаться. Конечно, речь не идёт о том, чтобы на время смотреть букой: ведь не дано человеку иного времени, кроме того, в котором он живёт. Аль-Маварди предлагает четыре правила опасливого отношения ко времени, в котором выпало родиться, трудиться и властвовать.

Первое правило: не верь в то, что время тебе способствует, не доверяй его мягкому с тобой обращению; постоянно будь настороже. Даже если оно к тебе благосклонно, всё может резко измениться: вот оно ласково с тобой и вдруг – набрасывается, как хищный зверь; вот оно сделало тебе подарок и вдруг – нагло грабит.

Кто среди живых живой, тот не лишён, поверь,
Ни времени превратностей, ни горестных потерь.

Второе правило: поскольку время коварно и переменчиво, то не упusti те возможности, которые оно вдруг тебе предоставило. Делай как бы запас, рассчитанный на худшие времена: совершай побольше добрых дел, начинай какие-то приносящие пользу предприятия, не скупись на подарки друзьям. Ни в коем случае не успокаивайся на достигнутом и, если есть малейшая возможность, обеспечивай своё будущее, помня, что потери неизбежны.

Живёшь лишь раз. И это значит:

Нельзя проспать свою удачу.

Пророк Мухаммад сказал: «Воспользуйся пятью вещами раньше пяти вещей – молодостью, прежде чем наступит старость; здоровьем, прежде чем поразит недуг; богатством, прежде чем подвергнешься лишениям; досугом, прежде чем тебя одолеют заботы; жизнью, прежде чем тебя настигнет смерть».

Третье правило: ты должен удерживаться от совершения дурных поступков и причинения зла людям. Это обезопасит тебя от «демона отмищения», как выражается аль-Маварди, тех бедствий, которые приносят совершаемые оплошности. Смысл здесь такой: время и без того недоброжелательно относится к людям, так не стоит увеличивать содержащийся в нём объём зла. Ведь зло может вернуться к тебе. А не к тебе – к твоим детям. «Не буди лихо, пока оно тихо». Если ты будешь так поступать, то тебе гарантирована большая безопасность, ты будешь меньше подвержен опасностям. Кто-то из древних мудрецов сказал: «Отойди от зла, и оно от тебя отойдёт».

Четвёртое правило: не привязывайся к тому окружению, в котором живёшь. Ведь дольний мир тленен, преходящ. Не завись от него, насколько это возможно. Вообрази себя путником, сделавшим остановку в чужом для него селении, подумай, разумно ли прикипать сердцем к тому, что ты оставишь завтра утром. Не забывай, что мир, при своей брэнно-

сти и при своей, скажем так, неполной реальности, призрачности по сравнению с жизнью вечной, – при всём этом он может стать препятствием для обретения вечного счастья в мире ином. Следуй словам одного мудреца: «Развод с должным миром – лучшее приданое для вечного супружества с Раем» [32].

В «Облегчении рассмотрения и ускорении триумфа» аль-Маварди приводит своего рода дополнения к изложенным четырём правилам – ещё три правила воздействия на испорченное время для его улучшения. Рассуждая о том, как «портится» время, он разделяет причины этой порчи на Божественные и человеческие. В сущности, они и в первом, и во втором случае человеческие. Ведь первый вариант «порчи» связан с человеческой несправедливостью. Я имею в виду распространённую в «зеркала» идею о зависимости природного мира от состояния человеческого сообщества – его нравственности (или порочности), справедливости (несправедливости), праведности (неправедности) и т. п. Эта зависимость ассоциировалась, по-видимому, со всемогуществом Аллаха, от воли которого зависит и один мир (природный), и другой (социальный). Ибн-Аббас, дядя Пророка, говорил: «Если распространились в народе пять дел, то падёт на него пять бедствий: если деньги давали в рост ради получения лихвы, то земля затрясётся и провалится; если султан учит несправедливость, то настанет засуха; если совершит он притеснение покровительствуемых, то держава перейдёт к

другому; если растрочена будет собранная в общинную кассу милостыня, скот падёт; если распространится прелюбодеяние, то наступит всеобщая смерть» [33]. Ибн-аль-Азрак всерьёз рассуждает о том, что в Кордове была долгая засуха, вызванная несправедливостями халифа [34]. Ибн-Арабшах считает своим долгом рассказать длинную историю о том, как скот, наоборот, стал тучнеть, оттого что персидский царь Бахрам Гор проникся идеалами справедливости [35].

Сам аль-Маварди приводит по этому случаю слова Пророка, который перефразировал высказывание своего дяди. «Если наместники станут чинить несправедливость, то станет небо бездождным» [36]. И постольку-поскольку «порча» времени зависит не только от главной фигуры в обществе – правителя, но и от всех людей (перечитайте ещё раз слова Ибн-Аббаса, который говорит о народе), то и улучшение времени зависит от людей. И здесь – правило первое: пусть правитель обратится к собственной совести и совести своих подданных и очистит её от порочных нравов, намерений и тем самым исключит такие действия, которые приводят к «порче» времени.

Но было бы абсурдным, с точки зрения мусульманина, ставить действия Аллаха в зависимость от человеческих действий по принципу: человеческие деяния – соответствующая реакция Аллаха. Или, иными словами, нельзя вообразить, чтобы существовала только прямая зависимость между действиями людей и действиями Бога: чинит султан несправед-

ливость – наступает засуха; вернулся он к справедливости – пошёл дождь. Божественная воля ничем не ограничена. Поэтому и есть элемент неопределённости, непредсказуемости и необъяснимости для человека в той «порче» времени, которая может наступить для него. И тут – второе правило: воспринимать удары покорно, склонившись перед ними; именно это и ослабит силу ударов, они как бы скользнут по наклонившемуся, а стоящего во весь рост могут и сломать. Чтобы понапрасну не тратить силы, смиряйся с непреодолимым.

Время может испортиться и, так сказать, напрямую – от действий людей, на которые Бог прямо и непосредственно не реагирует. В этом случае поможет третье правило: установить причины, по которым люди, сами портясь, наводят «порчу» на время. И после этого действовать, устраняя эти причины. Принцип здесь такой: лечить болезнь противоположным. Если «порча» проистекает из мягкости в отношении людей, нужна твердость, если от скупости – потребна щедрость. Множественные, переплетающиеся причины «порчи» устраняются многообразными, дополняющими одна другую противоположностями [37]. Все эти рассуждения и рекомендации в немалой степени годятся и для того, чтобы противостоять ещё одной опасности – самим окружающим людям, от которых, как мы видели, время во многом зависит.

«Не люди, а злюди»

Людям нельзя доверять. Эта идея на всякие лады повторяется, например, у Ибн-аль-Азрака – со ссылкой на самые серьёзные авторитеты. Так, Праведный халиф Омар сказал: «Оберегайтесь от людей – не доверяйте им». Приводится и рассказ о том, как омейядский халиф Абд-аль-Малик Ибн-Марван нашёл как-то камень с выбитой на нём надписью по-древнееврейски. Послали за обращённым в ислам иудеем Вахбом Ибн-аль-Мунаббихом. И тот прочитал древний завет: «Поскольку предательство в природе человека, то доверять кому бы то ни было – слабость». Знаменитый своим благочестием халиф Омар Ибн-Абд-аль-Азиз спросил у одного из своих придворных: «Кто наиболее убог?» Тот ответил: «Тот, кто много болтает, выдает собственные тайны и верит всякому». Есть, естественно, и обращение к авторитету Пророка, который сказал: «Люди – как верблюды; и среди сотни не найдешь такого, чтоб был хорош для верховой езды». Комментаторы разъясняют, что и один человек из ста не годится в товарищи, и тем самым истолковывают слова Пророка как призыв поменьше общаться с людьми и беречься их [38].

«Зло – природа людей, стремление всему перечить – привычка, несправедливость в отношении к другим – закон. Поэтому ты видишь, как они причиняют страдания тому, кто

не сделал им ничего плохого, притесняют того, кто отнёсся к ним со справедливостью, перечат тому, кто обращается к ним с дружеским советом. У одного человека спросили:

– Почему ты заставляешь мучиться своих соседей?

А тот ответил:

– Кого же мне обижать? Не могу же я обижать тех, с кем не знаком» [39].

Здесь же приводятся и стихи на эту тему:

Ты сын обидчика и сам обидчик.

Не спорь: таков людской обычай.

Как ни крути, ты пленник вечной свары,

Потомок Евы и Адама – согрешившей пары.

Тут и притча. У одного мудреца спросили: «Когда человек бывает в безопасности от людей?» – «Когда не существует для него ни добра, ни зла». – «Когда же это?» – «Когда он мёртв». И разъяснил мудрец: «Ведь когда он жив и добр, то враждебность к нему питают злые, а когда он жив и злой – его ненавидят добрые».

Призывы остерегаться людей усиливаются утверждением о том, что время такое – и людей-то, собственно, не осталось. «Исчезли люди – остались злюди», – сказал как-то один из ближайших сподвижников Пророка – Абу-Хурайра. «Кто ж это такие – злюди?» – спросили у него. «Нелюди, похожие на людей», – ответил Абу-Хурайра. Ведут себя злюди не так, как то ожидается от людей. «Берегись! Берегись людей! – чи-

таем у Ибн-аль-Азрака в «Чудесах на пути». – Пропали люди, остались злюди – волки в человеческих одеяниях. Попроси у них помощи – они отвернутся от тебя. Испроси поддержки – оставят на произвол судьбы. Спроси у них совета – тебя обманут. Соверши с ними сделку – тебя обсчитают. Попрощаешься с ними – сразу станут о тебе злословить. Коли ты благороден – будут тебе завидовать. Коли ты низкого положения – будут презирать. Коли ты учён – обвинят в заблуждениях и объявят еретиком. Коли ты невежда – опозорят и не наставят. Заговори – о тебе скажут, что ты бестолковый болтун. Промолчи – скажут, что ты тугодум, туп и глуп. Начни рассматривать что-то углублённо – скажут, что ты зануда. Скользни по поверхности – скажут, что ты дурак и невежда» [40].

Складывается впечатление, что средневековые авторы совершенно пессимистически относились к вероятности обнаружить в своём окружении добропорядочных людей. Автор «Чудесного ожерелья» в качестве «очень верных» приводит слова одного из мудрецов. «Ты стараешься изо всех сил сохранить друга – проявляешь терпимость, верность и преданность, но проходит время, и ты ничего не сможешь поделать, если друг отвернется при удаче, родич станет злорадствовать, когда ты попадёшь в беду, сосед позавидует удаче, помощник окажется недругом, жена – сварливой, служанка – нерадивой, раб возненавидит тебя, а сын опозорит. Ищи же заранее, куда бежать» [41].

Самая страшная вещь – человеческая зависть. Она-то прежде всего и превращает людей во враждебных друг другу. И это относится ко всем – родственникам, друзьям, соседям, посторонним людям. Псевдо-Аристотель в «Тайне тайн» поучает Александра Македонского относительно родственников: «Берегись родственников, как берёгся бы ты индийских василисков, кои убивают взглядом». Дело в том, что родственники переполнены завистью в отношении властелина. «Только твоя смерть примирит их с тобой», – заявляет автор «Тайны тайн». Такова, увы, человеческая природа. Ведь в самом начале существования человечества проявилась зависть одного из сыновей Адама – Каина к своему брату Авелю, и зависть эта привела к смертоубийству [42].

В «Греческих заветах» визирь, обращаясь к своему сыну, предупреждает его, что занявший министерское место неизбежно приобретает врагов-завистников. Они, будучи родственниками властелина или его фаворитами, считают, что именно они, а не ты, достойны того, чтобы занимать этот высокий пост. Себя они считают обделёнными и обиженными и готовы строить любые козни против визиря, как и против любого другого, занявшего какой-то пост в государственном аппарате [43].

Люди готовы завидовать чему угодно и ненавидеть всякого.

О басрийцах, позавидовавших соседу, осуждённому на казнь

Один басриец был грубым и злым, постоянно обижал своих соседей и поносил их. Некий достойный человек, придя к нему, стал увещевать его:

– Ты ведёшь себя так постыдно, что соседи постоянно жалуются на тебя.

– Они просто завидуют мне, – ответил тот человек.

Когда пришедший спросил, чему они завидуют, грубый басриец ответил, что соседи готовы завидовать чему угодно. И заявил, что они позавидуют ему, даже если узнают о его скорой казни. Гость удивился:

– Этого не может быть!

Тогда басриец предложил:

– Пойдем со мной, и я тебе докажу.

Они вместе отправились на площадь перед домом, где обычно собирались все его соседи.

Басриец уселся на скамью и прикинулся крайне опечаленным.

Соседи спросили его:

– Что с тобой?

– Нынче ночью пришёл в Басру приказ халифа Муавии, чтобы меня казнили вместе с Маликом Ибн-аль-Мунзиром и всей прочей басрийской знатью.

Соседи вскочили со своих мест и набросились на него с криком:

– Ах ты нечестивец, тебя казнят вместе с этими людьми, хотя ты не отличаешься ни знатностью, ни благородством?!

Тогда басриец, повернувшись к своему посетителю, сказал:

– Видишь, они завидуют, что меня казнят! Как же они повели бы себя, если б узнали обо мне что-нибудь хорошее? [44].

* * *

Что же делать? Как себя вести с такими людьми – а все они одинаковы? Абу-Хурайра, которому и принадлежит выражение «люди – злюди», говорил по этому поводу: «Общение с ними – болезнь и печаль. Лекарство и исцеление – в том, чтобы их избегать» [45].

Но, пожалуй, такая позиция неконструктивна. Она полностью исключает то сотрудничество, без которого каждому человеку и всем людям не обойтись – ни в повседневной жизни, ни в политике. Поэтому мне представляется более взвешенной и соответственно более практичной та рекомендация, которая дается в «Греческих заветах»: «Остерегайся людей больше, чем надейся на них, берегись их больше, чем доверяй им» [46].

«Враги, коими врагов посрамляешь»

Без армии властелину не обойтись. Это было аксиомой для авторов «зерцал» и для правителей. «Посредством войска властелин осуществляет господство, чтобы проводить успешную политику» [47]. «Власть – здание, а войско – его фундамент» [48]. Войско – опора власти [49].

Однако армия амбивалентна. Вот одна сторона дела, о которой говорит султан Абу-Хамму. «Знай, сын мой, – обращается он к наследнику престола, – что властелин без армии подобен бесплодной земле, похож на птицу без оперения. А птица без оперения обязательно будет когда-то поймана».

Но есть и другая сторона. «Однако тот, кто небрежно обходится с войском, – продолжает султан, прославившийся своими завоеваниями на севере Африки в XIV веке, – падёт со своего трона, поможет врагам во вред самому себе» [50].

Лапидарно эту двойственность армии выразил автор «Тайны тайн», которого повторяли многие. «Враги, коими врагов посрамляешь», – вот что такое армия [51]. Разъяснение этой максиме дал, например, аль-Маварди. «Воины – враги властелина, если постигла их порча. Ими, если они в порядке, властелин воздаёт врагам по заслугам» [52].

Главная причина опасности армии для властелина заключалась в том, что она была наёмной, вернее, платной и инонациональной по отношению к основной массе населения, и

часто – к самому властелину. При этом платный и инонациональный характер армии реализовался в том, что на службу призывались, точнее – приглашались, целые войсковые формирования, состоявшие из представителей одного этноса (народа, племени, родоплеменной группировки).

Примечательный в этом отношении эпизод приводится в «Сокровище владык» Ибн-аль-Джавзи. Для защиты от притязаний на престол очередного претендента один из приближённых советует халифу аль-Мамуну прибегнуть к помощи тюрок. «Властелины всегда так поступают», – заявил этот придворный [53]. Это и неудивительно. Халифат, называвшийся Арабским, всё больше становился таковым только по имени. Администрация, судопроизводство, наконец, военное дело – все эти и другие государственные функции выполнялись во всевозрастающей степени неарабами.

Армия имела свои интересы, очень часто не совпадавшие ни с намерениями правителей, ни с нуждами подданных. Чем это было чревато для правителей, может показать пример дайламитов (выходцев из горной части Южного побережья Каспийского моря).

Неожиданное окончание Халифской аудиенции

Дайламнты были призваны для наведения порядка в столице и оказания поддержки аббасидскому халифу аль-Мустакфи (944–946). За короткое время их предводитель Ах-

мад, ставший называться Муизз-ад-Давля (Укрепляющий державу), прибрал к рукам всю реальную власть и стал основателем целой династии (Бувейхидов), которой конец положили в 1055 году новые захватчики – сельджуки.

Историки описывают эпизод, который в полной мере иллюстрирует зависимость этого и других поздних аббасидских халифов («жалких фигур, всё более и более скатывавшихся к полному упадку», по характеристике Адама Меца) от воинских начальников. В один из дней 945 года аль-Мустакфи давал торжественную аудиенцию. Вокруг него, расположившись по рангу, сидели приближённые. Вошёл Муизз-ад-Давля, поцеловал землю у ног халифа, а затем его руку. Тут вдруг вошли два воина-дайламита и что-то прокричали по-персидски. Халиф подумал, что они хотят облобызать его руку, и протянул её им. Они же схватили его, бросили наземь и поволокли прочь, обмотав ему шею его же собственной распущенной чалмой. После этого халифа ослепили⁷.

⁷ Это было не проявление садизма, а хорошо рассчитанный политический шаг, своего рода традиция. Слеплённый халиф не мог, согласно мусульманскому праву, занимать должность верховного правителя, ибо от последнего требовалось, наряду с другими вещами, чтобы он был зрячим и с хорошим слухом. Калек заменялся ставленником войска, причём он чаще всего принадлежал к той же правящей фамилии. Оставаясь номинальным правителем, он освящал своим именем власть реальных хозяев положения. Например, Бувейхиды считались исполнителями приказов халифов из династии Аббасидов. Не убивали правителя потому, что очень велик грех – лишить жизни мусульманина. Покалечить же его – грех меньший. Примерно из тех же соображений умерщвляли правителей по-

Подобные случаи не были единичными. Ибн-ат-Тиктаки сокрушается о том, скольких правителей воины свергли с трона, ослепили, а то и убили [54]. Аль-Газали напоминает, что солдатня убила многих визирей [55].

Поэтому армия, являясь инструментом осуществления политики, – от этого мы сейчас отвлекаемся, – представляет собой смертельную опасность для властелина, да и для всего общества. Согласно аль-Маварди, эта опасность тройкая.

Во-первых, военачальники могут сделать многое для того, чтобы спровоцировать потенциального противника на начало военных действий. Такое возможно, потому что военные рассматривают мирные условия невыгодными для себя. Ни званий новых, ни трофеев... «Пропадает их прибыль, уменьшаются доходы, и тогда они находят причины, чтобы разорвать целое – поставить врага в неловкое положение, упразднить мир и покой, широко раскрыть двери, ведущие к тому, чего они вождедеют», – к чинам, славе, влиянию, власти, богатству. И их, естественно, не волнует, что они нарушают политические планы властелина.

Во-вторых, враг может привлечь войско властелина на

средством удушения подушкой. Тем самым не нарушался религиозный запрет проливать кровь мусульманина. Человек умирал не от пролития крови, а от асфиксии...

свою сторону, соблазнив его своими щедротами. «Всегда бьют в цель стрелы, нацеленные в заветные желания». В-третьих, если войско упустить из-под контроля, то оно может восстать против властелина [56].

«Труднейшее из дел устроителя державы – управление войском», – сокрушенно констатирует (и предупреждает) аль-Маварди. Ключевая проблема – материальные условия воинов. Владыка должен полной, вернее, достаточной мерой обеспечивать войско всем необходимым, чтобы воины не знали ни в чём нужды. Если же он не сможет этого сделать, то произойдёт одно из трёх следствий, каждое из которых нежелательно. Либо воины станут посягать на имущество подданных, либо их склонит на свою сторону тот, кто сможет обеспечить их нужды, либо они займутся добыванием средств к существованию, что их обессилит, и они не смогут выполнить то, что от них требуется [57].

Здесь очень важно соблюсти меру. Если выплаты избыточны, то воины, поднакопив денег, могут покинуть воинскую службу. К тому же жизнь в условиях материального избытка может избаловать их и изнежить. Ко всему прочему они начнут дорожить собственным богатством и чаще станут задумываться о том, стоит ли рисковать жизнью [58].

Но опасно и недодавать войску.

Как поведёт себя голодная собака?

Халиф аль-Мансур наставлял одного из своих военачальников:

– Мори голодом собаку – она пойдёт за тобой; раскорми её – она тебя же и сожрёт.

– Повелитель правоверных, если ты никогда не будешь кормить свою собаку досыта, – возразил тот, – найдётся кто-нибудь другой, кто поманит её костью, и она убежит за ним, бросив тебя [59].

* * *

Персидскому царю приписывается такое наставление своему сыну. «Не раскрывай свою ладонь широко перед воинами, не то они без тебя обойдутся. Не сжимай ладонь перед ними, не то они возмутятся против тебя» [60].

Однако не нужно думать, что деньги являются решающим фактором в господстве над войском⁸.

⁸ Если бы это было так, то исход всякого конфликта с использованием армии заключался бы в своеобразном аукционе. Кто больше даст, за тем воины и пойдут. Но в жизни всё было сложнее.

И мухи не всегда на мёд летят

Один визирь настоятельно рекомендовал царю копить деньги и заполнять сокровищницу золотом и драгоценными камнями. Когда царь высказал сомнение и предположил, что лучше всё-таки тратить деньги на соратников, то визирь заявил следующее:

– Пусть даже они от тебя сейчас и отвернутся, но когда у тебя появится в них нужда, ты предложишь им деньги, и соратники слетятся к тебе.

Царь засомневался.

– А можешь ли ты как-то это обосновать? – спросил он.

– Конечно, – с уверенностью сказал визирь и спросил: – Можешь ли ты собрать здесь множество мух?

– Нет, – ответил царь.

Тогда визирь велел принести плошку с мёдом. Прошло некоторое время, и рой мух налетел на сладость. Но царя, видно, это не убедило, и он обратился к одному из своих приближённых с вопросом, прав ли визирь.

– Конечно, не прав, – ответил тот и для доказательства предложил дожждаться вечера. Когда стемнело, он велел принести мёда. И ни одна муха не появилась [61].

Идея ясна. Не во всякое время, не в любых условиях мёд-деньги являются гарантией мобилизации соратников. Ещё одна притча для закрепления принципа.

Не имей сто динаров...

Один царь копил деньги, но не обращал внимания на то, чтобы собирать вокруг себя верных людей – соратников, воинов, советчиков. Приближённые предупреждали, что противник грозит ему нападением, и советовали готовить людей к будущей войне, делать то, что делает противник, – не жалеть усилий и денег на привлечение соратников. Но царь показал на сундуки с деньгами и сказал: «Вот мои соратники», намекая тем самым на то, что в любое время он сможет привлечь деньгами нужных людей. Но тут напал на него противник. И убил он царя, оказавшегося без соратников, и захватил его сундуки [62].

Не соратниками, а «ненадолго заглянувшими в гости» являются те, кого властелин призывает под свои знамёна в определённое время и для выполнения конкретной важной для него цели.

Тем самым императив «Берегись армии» дополняется

другим: «Не надейся только на деньги, если хочешь иметь достойных соратников». Как их привлечь – об этом в разделе «Оснаститься».

* * *

Враг твой в сердце твоём

Душа человека подобна оазису, где бьют прохладные родники, стоят зелёные деревья, лежит густая тень, веет прохладный ветерок. Но под сенью этого благодатного леса нашли себе прибежище дикие звери – лев гнева, тигры невежества, волки предательства, свиньи алчности, змеи несправедливости, скорпионы зависти [63]⁹. Естественно, этих и других, здесь не перечисленных зверей-пороков надлежит опасаться. Особая их вредоносность – в том, что они поселились в душе каждого человека и хищно на него посягают.

Почему же душа человеческая похожа на бестиарий – со-

⁹ Важно отметить, что здесь, в ходе этических рассуждений автор «Сокровища владык» как бы проговорился относительно своих представлений о власти. Он настолько уверен в необходимости единовластия, что совершенно не задумываясь употребляет слово «лев» в единственном числе, а остальные названия зверей-пороков – во множественном. Лев – герой притч и сказок, символ автократии, самовластия. Это слово, войдя в языки разных народов, принявших ислам, приобрело новые оттенки значения и стало означать мусульманское право, шариат.

бране тварей, захвативших прекрасную страну? Ссылаясь на неизвестного мудреца, аль-Маварди пишет, что Бог создал ангелов полностью интеллигибельными – целиком из разума, не дав им ничего от животных страстей. В животных Всевышний вложил только страсти и обделил эти существа разумом. Что же касается сынов Адама, то даны им и разум, и страсти [64]. Иначе говоря, человек двойственен в соответствии с Божественным замыслом. Идея эта была достаточно популярна в «зеркалах». Правда, в отдельных случаях она реализовалась с некоторыми отличиями. Так, Ибн-Арабшах говорит о двух противоположных началах в человеке, но для него это – свойства ангелов и джиннов [65]. Несколько иная трактовка у Ибн-Аби-р-Раби в его «Пути владыки в устроении владений». В человека заложены две силы – разумная и животная, каждая из которых обладает волею и выбором, и человек как бы оказывается предметом постоянного спора между ними [66]. Есть ещё более усложнённая конструкция – из трёх элементов. Согласно неизвестному автору «Канона политики», душа человека состоит из трёх – ангельской (или разумной), которой противопоставлены зверская (или животная) и скотская (или растительная) [67].

При всех различиях в трактовке причин, по которым душа оказывается, хотя бы частично, звероподобной, прослеживается нечто общее. Мы видим, что в душе человека есть два начала. Первое – это разум. Он – источник добродетелей. Ему же в качестве источника пороков противостоят разные

вещи — и животность, и схожесть с джиннами (мусульманскими чертями), и зверские и скотские начала в человеке.

Чаще всего эта противоположность выражалась в противопоставлении разума и его антипода, обозначавшегося арабским словом *хава́*.

Это понятие многозначно, как и некоторые другие, о которых мы говорим в этой книге. Чаще всего оно передаётся как «страсть». Сложности с этим понятием видели и авторы «зерцал». Например, аль-Маварди объясняет, констатирует, что есть некоторое сходство между *хава* и страстью, но страсть относится к чувствам («страстная женщина», «он оказался в плену страсти»), а *хава́* — явление интеллектуального, умственного порядка [68]. Это противоположность разума. Но не глупость или невежество, а своего рода затмение разума. Это и страсть, и пристрастие, и подверженность страстям, эмоциям, аффектам.

Приведу разъясняющий пример, которого нет в «зерцалах», чтобы авторам и читателям было понятно, о чём идёт речь. Всем известно выражение «в состоянии аффекта», вошедшее в юриспруденцию и бытовую лексику. В таком состоянии, ставшем результатом неожиданного потрясения или возбуждения, человек не способен контролировать свои действия, отвечать за свои поступки; разум человека, когда тот пребывает в состоянии аффекта, как бы отключён; в этом состоянии человек может совершить поступки и действия, которые он никогда бы не совершил, если бы имел возмож-

ность поразмыслить, сдержать гнев, возмущение, обиду, зависть, злорадство и т. п. Так вот, *хава*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.